

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 070(07) + 811.161.1'42

О. Ф. Автохутдинова

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДРУГОГО КАК ПЕРСОНАЖА ЖУРНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА

Анализируются дискурсивные практики конструирования персонажа в текстах интернет-СМИ. К основным дискурсивным практикам относятся дискурсивные практики, конструирующие персонажа как врага, как психически или физически больного, как преступника и как человека, жертвующего собой ради других. Комбинация различных дискурсивных практик способствует созданию положительных или отрицательных смыслов при конструировании персонажа как социально значимого Другого. В качестве примера рассматриваются публикации, посвященные старшему оперуполномоченному УВД Новороссийска майору А. Дымовскому.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс, дискурсивные практики, средства массовой информации, Другой, журналистский текст.

Блуждая между множеством культур и субкультур, современный человек способен познать и описать собственное Я только в непрерывном сопоставлении себя с Другим (чужим) человеком. «...удивительность чужого является лишь кажущейся, но эта фикция необходима, чтобы уберечь нормативно-ценностные основы общества от направленной на самое себя амбивалентности и вытеснить амбивалентность к границам общества, в фигуру чужого» [17, 41–42]. Потребность в Другом как в средстве для консолидации и развития общества поддерживает актуальность обсуждения и изучения проблемы конструирования Другого в дискурсе СМИ.

Ниже мы попытаемся обрисовать основные практики конструирования Другого в журналистском дискурсе, который специфичен тем, что образцовое

АВТОХУТДИНОВА Ольга Федоровна — ассистент кафедры русского языка и стилистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: sofia28@mail.ru).

© Автохутдинова О. Ф., 2011

не сочиняется, а тщательно отбирается из реально происходящего и редактируется в соответствии с заданной идеологической доминантой. Тексты, содержащие соответствующие смыслы, часто способны поддержать уже существующие стереотипы и сформировать у адресата определенное отношение к кому-либо или чему-либо, особенно если адресат не имеет личного опыта общения с носителями обсуждаемых различий [15, 4]. Р. Харрис отмечал, что если социальная группа неизвестна адресату по личному опыту, медиаобраз ее способен повлиять на складывание представлений человека о ней и, следовательно, есть опасность внушения негативного отношения части аудитории к той или иной из изображаемых групп [14].

Дискурсу как понятию дается множество определений. Нами используется подход, сформулированный в работах М. Фуко [11], И. Сандомирской [10], Э. Чепкиной [6, 15], Е. Шейгал [16]. Дискурс рассматривается как «социально упорядоченный механизм порождения речи, организации коммуникации. Главное здесь — социальная заданность, поскольку существуют правила общения (создания и передачи смыслов), которые субъект не изобретает. Эти правила стабильны потому, что каждый владеющий практикой воспроизводит ее многократно, а также потому, что практики доступны внешнему наблюдателю, так как фиксируются в текстах» [6, 4]. Под дискурсивной практикой, таким образом, понимается «процесс структурирования текста (как адресантом, так и адресатом) в пределах определенного дискурса» [15, 7]. Но так как условия продуцирования текстов очень разнообразны, имеет смысл говорить не о дискурсивной практике вообще, а о разнообразии дискурсивных практик в связи с конкретными обстоятельствами и условиями общения.

Дискурсивные практики фиксируют не только правила создания завершеного, отдельного текста, но и вообще способы передачи смыслов, актуальных для журналистики вне зависимости от того, в одном тексте или в серии текстов эти смыслы воплощаются. Анализ дискурсивных практик позволяет выявить интертекстуальные закономерности развертывания смыслов. Каждая дискурсивная практика в журналистике нацелена на передачу некоторого смысла, который считается с помощью системы знаков, за ним закрепленных.

Дискурсивные практики могут конструировать как событие текста, так и персонажа — главное действующее лицо текста. «Персонаж <...> может иметь различное историческое содержание, в зависимости от которого мы и определим его качество и ценность для нас. Самое развертывание П. в произведении происходит как путем непосредственного показа характерных его черт и действий (его портрет, характеристика, речи, поступки и т. п.), так и через другие образы, так или иначе к нему относящиеся» [7, 583–584]. Следует различать персонажа текста и обобщенный, символический образ, связанный с тем же персонажем: «Образ — это уже не комбинация сем, закрепленных за тем или иным гражданским Именем; ускользая из-под власти биографии, он представляет собой внегражданскую, безличную и ахронную комбинацию символических отношений. <...> В качестве сугубо символической фигуры персонаж не имеет ни хронологического, ни биографического статуса, т. к. символическая структура полностью обрывает, так что читать ее можно в любом порядке» [1, 126].

Охарактеризуем конкретную методику анализа практик конструирования персонажа в текстах СМИ [см. 15]. Мы выделяем базовую номинацию (обычно это имя собственное персонажа) и вторичные номинации (все другие номинации, данные персонажу). Далее анализируем характеристику поведения, черты характера персонажа (в том числе и его речь). Затем рассматриваем сюжетную роль персонажа, опираясь на теорию В. Проппа [9]. И наконец, определяем, какая оценка дается персонажу: положительная или отрицательная; рассматриваем, в чьей речи встречается номинация и оценка. Например, характеристика может даваться авторами журналистских текстов, присутствовать в речи персонажа о себе или в речи других персонажей.

В журналистском дискурсе современной России можно выделить стереотипных Других, чье отличие от большинства всегда фиксируется как неизменное и однозначное: этнически Другие, политически Другие, гендерно Другие. Эти персонажи воспроизводятся с одним и тем же устойчивым набором характеристик. Однако в некоторой экстраординарной ситуации, когда в СМИ попадает неожиданный персонаж, он оказывается не закрепленным в готовом наборе стереотипных Других. Журналистам приходится на ходу искать средства, позволяющие вписать ранее неизвестного Другого в дискурс СМИ и картину мира аудитории. И в этом случае можно непосредственно наблюдать за дискурсивными практиками конструирования нового персонажа.

Таким персонажем оказался, например, старший оперуполномоченный ОРЧ УВД г. Новороссийска майор Алексей Дымовский, выложивший в ноябре 2009 г. в Интернете видеообращение, в котором он обвиняет своих коллег и руководство в коррупции и других противоправных действиях. В декабре А. Дымовский был заключен под стражу по подозрению в мошенничестве, а в марте 2010 г. отпущен под подписку о невыезде. Связанные с Дымовским события получили значительный резонанс и до сих пор не утратили своей актуальности.

Дискурсивные практики выделялись нами в текстах, размещенных в непосредственно сетевых изданиях и на сайтах традиционных СМИ. Выбор материала для исследования не случаен. В настоящее время Интернет является одним из самых мобильных средств распространения информации. Сетевые ресурсы обеспечивают более оперативный и удобный доступ к информации, а также сохраняют единожды выставленные материалы достаточно долгий срок. В то же время мы использовали только публикации зарегистрированных СМИ, чтобы оставаться в границах анализа практик именно журналистского дискурса. Всего в рамках исследования было проанализировано 95 текстов, размещенных с ноября 2009 г. по март 2010 г. Тексты подбирались путем случайной выборки.

Итак, какие же практики использовались для конструирования персонажа «Алексей Дымовский» как Другого в дискурсе СМИ?

Выше мы уже упомянули о том, что в современном журналистском дискурсе можно выделить дискурсивные практики, связанные с конструированием стереотипных Других. В частности, **дискурсивную практику конструирования образа врага, внешнего Другого**. Рассмотрим ее применение в ситуации с Дымовским.

За публичными выступлениями майора милиции Алексея Дымовского могут стоять неправительственные организации, финансируемые из-за рубежа, в частности «Агентство США по международному развитию» (USAID), заявил Интерфаксу в понедельник источник в Департаменте собственной безопасности МВД России.

«Выбранный способ, форма и время публикации видеобращения свидетельствуют о том, что Дымовский пользуется поддержкой со стороны третьих сил», — заявил собеседник агентства (<http://interfax.ru/society/news.asp?id=109154>).

Как отмечает Лев Гудков, актуализация образа врага означает, что само общество начинает испытывать сильные социальные напряжения, источники которых с трудом опознаются и рационализируются [5, 11]. Таким образом, привлечение образа некой враждебной силы из-за границы, заранее спланировавшей выступление Дымовского, подчеркивает опасность персонажа для «своих». Отметим, что в приведенных выше высказываниях отсылки к внешнему врагу принадлежат персонажам, являющимся оппонентами Дымовского, — сотрудникам МВД России. Причем источник мнения не раскрывается, это безымянный персонаж. Отсутствие персонификации респондента, по всей видимости, должно усиливать у адресата ощущение опасности, исходящей от Дымовского, однако, на наш взгляд, подобная стратегия обесценивает мнение источника информации, снижает уровень доверия к нему.

Сам А. Дымовский, которому некоторые СМИ также предоставили слово, пытался, напротив, актуализировать принадлежность к группе «своих» и дистанцированность от внешнего Другого. Фрагмент, который мы хотели бы привести в качестве примера, интересен тем, что в нем речь персонажа представлена от первого лица и его реплики даются без правки и практически без комментариев со стороны журналистов. Соответственно, аудитория имеет возможность составить собственное представление о персонаже. Это размещенная на сайте радиостанции «Эхо Москвы» расшифровка записи пресс-конференции с Алексеем Дымовским, которая состоялась 10 ноября 2009 г.:

С иностранцами, честное слово, я встречался в своей жизни два раза. В Амурской области, где у нас в каждом городе есть китайский рынок, когда приходишь туда за 300 рублей ботинки покупать, и в пять лет меня бабушка возила в Днепропетровск. И все, больше с иностранцами я отношений не поддерживал...

Я россиянин и в Америку я не собираюсь жить переезжать, тем более в отпуск ехать (Алексей Дымовский: «У меня сейчас это равносильный самоубийству поступок». — <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/633436-echo/>).

Наличие диаметрально противоположной информации о связи Дымовского с иностранцами оставляет адресату свободу выбора в оценке ситуации и формировании отношения к персонажу. Однако обращение к идеологеме врага способствует формированию негативного образа, связанного с героем текста.

Враг — это обычно внешний Другой. **Практика конструирования внутреннего Другого** используется в нескольких вариантах. Очередность их перечисления не зависит от значимости или частотности, здесь они приводятся в том порядке, в котором фиксировались во время исследования в текстах СМИ.

Первый вариант — **практика конструирования персонажа как «психически или физически больного»**. М. Фуко утверждал, что не столько безумие

само по себе породило изоляцию психически нездоровых людей, сколько априорно заданное обществу разделение на «нормальное» и «ненормальное» породило само представление о безумии. С тех пор как безумие предстало как технология ненормальности, ненормальных состояний, психиатрия получила реальную возможность облечь себя функцией, которая сводится к охране и поддержанию порядка. Фактически психиатрии была назначена роль генерализованной социальной защиты [13].

Соответственно, заключение врача о ненормальности героя публикации способно исключить персонажа из круга «своих», что, собственно, можно наблюдать в текстах о А. Дымовском. Например, в заметке «Майор-разоблачитель Дымовский тайком добрался до Москвы к Дню милиции» автор приводит несколько мнений об обращении А. Дымовского, и среди них такое:

Багрова (главный врач поликлиники, к которой приписан Алексей Дымовский. — О. А.) утверждает, что Дымовский вел себя в поликлинике **неадекватно** и она попросила начальника УВД отправить милиционера в краевую больницу для установления диагноза, передает Life News. «Налицо были все **признаки психопатической личности**», — уверяет врач. В краевом ГУВД заявили, что не были слишком удивлены обращением майора, так как и ранее он совершал **«неадекватные поступки»** (http://www.newsru.com/russia/10nov2009/moscow_dymov.html).

Кроме субъективной оценки поведения персонажа (*признаки психопатической личности*), автор высказывания несколько раз употребляет слова «неадекватный»/ «неадекватно», которые имеют негативно-оценочные семы, подчеркивающие ненормальность объекта. Так, Толковый словарь русского языка под редакцией С. Ожегова и Н. Шведовой [8] (далее — СОШ) дает следующие значения: «Неадекватный. 1. Не совпадающий с чем-л., лишенный адекватности. 2. Не соответствующий норме, требованиям. *Н-ое поведение*» (СОШ, 400).

Ту же практику мы можем наблюдать в речи персонажа, не являющегося врачом, но обладающего определенным социальным статусом (текст «Не соответствует масштабу проблем»):

Между тем ряд экспертов, с которыми пообщалась газета ВЗГЛЯД, сошлись во мнении, что Дымовский явно **неадекватен**. Так, начальник пресс-центра МВД России Олег Ельников рассказал, что у него возникают сомнения в адекватности поведения Дымовского, «исходя из личного анализа его поведения, выступлений и публичных заявлений». Ельников отметил, что акция опального майора не обязательно связана с различного рода расстройствами здоровья, но «вполне может быть результатом сложившихся обстоятельств и обстановки».

«Но особенно мне “понравился” его третий ролик, где он задает своему руководителю сложные вопросы и сам же на них отвечает. Это уже о многом свидетельствует», — заверил Ельников (<http://vz.ru/society/2009/11/11/347067.html>).

Уже в заголовке адресату сообщают, что персонаж, оценке которого посвящен текст, не соответствует некоему масштабу (а значит, не дотягивает до какой-то заданной нормы). Затем начальник пресс-центра МВД, выступающий в публикации в роли эксперта, хотя его квалификация как человека, имеющего право ставить диагноз, никак не подтверждается, вновь намекает на психичес-

кое нездоровье Дымовского (*привычка разговаривать с самим собой*). Однако в той же публикации приводится мнение, формально опровергающее вышеприведенное:

Как рассказала пресс-секретарь УВД Новороссийска Полина Гнута, которая была лично знакома с Алексеем Дымовским, ранее никто из сотрудников управления не мог сказать о нем, что он психически ненормален или неадекватен. «Он нормальный обычный среднестатистический сотрудник милиции, — сказала она. — Но из 310 рабочих дней он провел на службе всего 62... Отпуск был официальным, и он жаловался на боли в спине, руках и шее, но я не знаю, жаловался ли он на психическое здоровье. Во всяком случае, в 2004 г. аттестационную комиссию он прошел и был допущен к работе, что говорит о его адекватности, ведь психически больные в милиции не работают» (<http://vz.ru/society/2009/11/11/347067.html>).

Здесь смысл «психически больной» формально снимается (психически больные исключаются из группы «свои», которая в данном тексте обозначает милиционеров), разделяясь при этом на смыслы «не соответствующий норме» (*в отличие от других среднестатистических сотрудников провел на работе всего 62 дня из 310*) и «больной, не здоровый» (*жаловался на боли в спине, руках и шее*).

Таким образом, при реализации дискурсивной практики конструирования персонажа как «психически или физически больного» подчеркивается потенциальная опасность персонажа. По Фуко, «предметы диагностики психиатрической экспертизы — это индивиды потенциально опасные». То есть это **потенциальные** преступники (хотя они могут и не совершать преступлений), что и вменяется им в вину [13], именно поэтому считается, что общество через системы внутреннего регулирования должно изолировать таких людей: «...власть нормализации... стремится постепенно за счет собственной силы, за счет производимых ею стыковок медицинского и судебного, модифицировать как судебную власть, так и медицинское знание, и сложиться в качестве инстанции контроля над ненормальными» [Там же, 65].

Практику конструирования персонажа как «преступника» также можно отнести к актуальным практикам, конструирующим негативное отношение к герою текста. Преступник относится к внутренним врагам. Персонажу-преступнику приписывается совершение противоправных и общественно осуждаемых действий: убийство, мошенничество, наркоторговля. В анализируемый период в СМИ появилась серия публикаций, в которых сообщалось, что А. Дымовский совершил то или иное противоправное действие. Причем спектр преступлений был достаточно широк — от разглашения государственной тайны и подозрения в убийстве до вымогательства:

Майора Алексея Дымовского обвиняют в разглашении государственной тайны и хищении денежных средств. По крайней мере, такое заявление сегодня сделал глава Департамента собственной безопасности МВД РФ генерал-лейтенант милиции Юрий Драгунцов. «Служебная проверка в отношении Дымовского проведена, материалы направлены в СКП РФ. Ему может инкриминироваться хищение денежных средств и разглашение государственной тайны», — сказал он (http://www.mr7.ru/news/society/story_21772.html).

— Прикрываясь погонами, он регулярно ходил выбивать деньги, — уверяет женщина (Ирина Дымовская, бывшая жена А. Дымовского. — А. О.) — Будучи сотрудником службы по борьбе с оборотом наркотиков, Дымовский прекрасно знал адреса тех, кто готовит наркотики или торгует ими. Но вместо того чтобы остановить этих людей, он регулярно наведывался к ним за данью. <...>

— Он страшный человек! — дрожащим от волнения голосом говорила Ирина. — Майор-правдоискатель, которого люди видят на видео, и настоящий Алексей Дымовский — совершенно разные люди. Находиться рядом с таким человеком страшно.

По словам бывшей жены, Дымовский не просто брал взятки, будучи сотрудником службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а активно их «выбивал». Большую часть денег, как заработанные на службе, так и незаконно добытые при злоупотреблении служебным положением, заядлый игрок Дымовский оставлял в казино (<http://www.politonline.ru/ventilyator/1710.html>).

Хотя официальным поводом для заключения А. Дымовского под стражу стало уголовное дело, возбужденное по статье «мошенничество», приписывание персонажу других возможных преступлений способствует накоплению отрицательных характеристик (*вор, коррупционер, наркоторговец, рэкетир, взяточник*).

Потенциальная опасность, исходящая от персонажа, подчеркивается описанием реакции близких ему людей: бывшая жена запугана (*находиться рядом с таким человеком страшно*, ее голос *дрожит от волнения*, когда ей приходится рассказывать об экс-супруге). Положительный смысл оценочной номинации «*майор-правдоискатель*» разрушается противопоставлением с самим персонажем: «*это разные люди*».

Кроме того, в рамках практики конструирования персонажа как «преступника» в более поздних публикациях поступок Дымовского интерпретируется представителями МВД как аналогичный действиям майора Евсюкова, расстрелявшего в торговом центре в Москве более 20 человек. Например, в тексте «Майор Дымовский как майор Евсюков» проводятся прямые аналогии между поступками двух милиционеров:

По степени общественного резонанса демарш Дымовского сравним лишь с бойней в московском супермаркете «Остров», устроенной 32-летним майором Евсюковым. На поверку выясняется, что у этих историй есть много общего.

Дымовского с Евсюковым роднит не только возраст и звание. По-моему, оба милицмейских офицера пребывали на момент совершения поступка в явно неуравновешенном состоянии. У Евсюкова был острый алкогольный психоз, у Дымовского — явные признаки хронической депрессии. В действиях обоих милиционеров читается протест против устоявшихся порядков и неприятие начальства. Во время стрельбы по живым мишеням Евсюков грозил вышестоящим товарищам «наделать висяков». В своем видеообращении Дымовский разоблачает руководство новороссийского ГУВД (<http://www.chaskor.ru/p.php?id=12174>).

Таким образом, по логике авторов текста, попытка отстоять свои права может быть приравнена к убийству и захвату заложников, и то и другое — преступления. К тому же в данном примере привлекается уже знакомая нам практика представления героя как «психически больного».

Дискурсивная практика конструирования персонажа как «своего» Другого — «человека, жертвующего собой ради других». Данная дискурсивная

практика связана с конструированием Другого как персонажа, необходимого для развития «своих» в лучшую сторону. При этом субъект события берет на себя сюжетную роль героя — «персонаж, или непосредственно пострадавший от действия вредителя в завязке (resp. ощущающий некоторую нехватку), или согласившийся ликвидировать беду или недостачу другого лица» [9, 40]. Персонаж может не вызывать симпатию у адресата или других персонажей, его поступки и мотивы могут осуждаться, но его действия признаются полезными для общества. Например, в тексте «Не соответствует масштабу проблем» при общих негативных характеристиках персонажа утверждается значимость его поступка:

«Откровенно говоря, я испытываю к нему смешанное чувство колоссального интереса и гадливости. Проблема в том, что хотелось бы увидеть настоящего рыцаря добра, который борется с грязью в МВД, но получилось, что МВД в своих недрах родило вполне ублюдочного сутягу... — сетует Доренко. — Он, конечно, не соответствует масштабу проблем, масштабу гниения МВД».

Доренко добавил, что Дымовский — сам продукт гниения МВД. «Сегодня у нас это гниение представлено двумя публичными портретами — Евсюкова и этого странного сутяги, который полгода ходил и записывал своих товарищей на магнитофон. Ну что тут скажешь — брезгливость и гадливость. Но я с детства — юный натуралист, мне приходится наблюдать за такими странными персонажами», — рассказал он.

На вопрос, как долго продержится интерес к Дымовскому, Доренко ответил: «Этот интерес уже сейчас не оправдан ничем, кроме нашей обеспокоенности абсолютно ужасным состоянием Министерства внутренних дел. Русская милиция в кризисе. **Мы будем интересоваться любым самозванцем, пока МВД будет в столь ужасном положении**», — убежден он (<http://vz.ru/society/2009/11/11/347067.html>).

Субъективное мнение автора высказываний подкрепляется негативно окрашенными эпитетами (*ублюдочный* — «разг.-сниж. Уродливый; неполноценный» — СОШ, 821), разговорной лексикой (*сутяга*), прямыми негативными номинациями (*самозванец* — «Тот, кто выдает себя за другого человека, присвоив себе его имя, звание» — Там же, 694). Негативное отношение к персонажу также выражается оценочно: *брезгливость* (то же, что и отвращение — крайне неприятное чувство, вызываемое кем-, чем-л.» — Там же, 468) и *гадливость* («гадливый — полный отвращения, брезгливости» — Там же, 124). Кроме того, журналист не скрывает своего разочарования от более близкого знакомства с Дымовским, однако сами действия персонажа оцениваются положительно, они признаются полезными для общества.

В публикации «Не про Дымовского» автор пытается разобраться в том, полезен феномен видеообращений милиционеров для общества или нет.

Уже выяснилось: у них тяжелые условия работы, среди младшего и среднего звена зреет протест, выразителем которого и стал Дымовский. Было бы хуже, если бы мы не знали об этом. <...> Этот момент «выхода из себя» есть акт самоидентификации, он очень важен, опять же, для них самих: сказать вслух что-то от себя лично — это значит уже стать личностью. <...> А то, что они начинают с решения своих мелких и даже личных, корыстных дел: квартиру не дали, начальство по-хамски обращается, — это даже хорошо. Потому что это — не «голословные обвинения демократов», которых всегда ругали за излишнюю склонность к обобщениям и абстракциям. Тут забота

о себе в первую очередь — куда уж конкретней и практичней. А уже попутно, заодно — и о справедливости. <...> Но даже говоря о своих проблемах, они парадоксальным образом приносят пользу обществу. В данном случае тем, что заполняют информационный вакуум — по поводу реального положения дел в милиции (<http://www.vz.ru/columns/2009/11/19/350309.html>).

В целом автор оценивает поступок Дымовского положительно: его поступок — первый шаг к реформированию милиции, к положительным изменениям в системе. При этом Дымовского не рассматривают отдельно от МВД, Дымовский и милиция — одно целое (*у них тяжелые условия работы, среди младшего и среднего звена зреет протест, выразителем которого и стал Дымовский*). И тем не менее автор подчеркивает: появление героя было ожидаемым, а значит, необходимость в нем есть.

Дискурсивная практика «самопрезентации» персонажа. Эта практика возникает в дискурсе СМИ, когда журналисты дают возможность персонажу высказаться, предоставляют ему слово. Самопрезентация играет важную роль в формировании мнения о субъекте события, так как позволяет аудитории оценить внешность, настроение, манеру речи персонажа, его собственный взгляд на ситуацию.

При конструировании А. Дымовского как персонажа дискурса СМИ данная практика также использовалась. Особый интерес, на наш взгляд, представляет расшифровка записи с пресс-конференции с Алексеем Дымовским, которая состоялась 10 ноября 2009 г.: «Алексей Дымовский: “У меня сейчас это равносильный самоубийству поступок”» (<http://echo.msk.ru/blog/echomsk/633436-echo/>). Этот текст интересен тем, что в нем речь персонажа дается без правки и практически без комментариев со стороны журналистов. Соответственно, аудитория имеет возможность составить собственное представление о персонаже. В тексте обсуждаются причины, побудившие майора обратиться к власти через Интернет, его личная и профессиональная жизнь, нравственные установки. Себя А. Дымовский сначала позиционирует как честного офицера, уставшего от произвола начальства и пытающегося добиться правды от власти:

Толкнуло меня на это обида за всех сотрудников милиции, которые подвергаются гонениям со стороны начальства, отношением хамским. От Владимира Владимировича я ожидаю реакции, я смотрю, общественность меня поддерживает. <...> Работал участковым. У меня на участке кличка среди местных жителей была Аниськин, если честно. Я жил на этом участке. Там у меня произошел конфликт с местным начальством, произошла ситуация, когда мне пришлось использовать табельное оружие против своего же милиционера, когда он на меня попытался кинуться с железной трубой, будучи пьяным, и чтобы обезопаситься, мне пришлось стрелкнуть у него над головой.... <...> Я думал, что там (в милиции. — О. А.) справедливость. Честь, совесть, достоинство. <...> Я наивный. Я задал вопрос, когда закончится ментовский беспредел в Краснодарском крае? Минута-две молчания, пауза, я думал, что меня отключили. Она говорит: «Вы меня извините, но повторите еще раз свою должность, фамилию, имя, отчество». Я сам милиционер и тут пытаюсь бороться с ментовским беспределом. Ну и все. Не поговорил я с ним.

<...> Выполнил план — молодец, не выполнил — дай денег проверке, которая придет. Купи что-нибудь, помоги, чтобы тебе не попало от начальства. Это идет от руко-

водства. Все эти приказы идут от руководства. Только они устные. А мы, вот такие простые, попадаем под статью, под превышение должностных полномочий. Мы ничего не можем доказать.

Затем А. Дымовский выставляет себя хитрым, находчивым специалистом:

Я приходил в УВД, прямо перед входом включал его (диктофон. — О. А.) и ходил, разговаривал, соответственно работал. Когда возник конфликт с начальством, когда вышли мои видеоролики в Интернете, я успел до обеда позаписывать... Сто пятьдесят часов общих записей.

Нет, я это уже опровергал, я не садил невиновного человека. И потом с таким грехом... говорят, грехи на детей и внуков передаются. Я своим детям зла не желаю. Звание получил. Оперская хитрость называется. Я не садил человека, я дал обещание Черноситову, но ни слово офицера, что я попытаюсь это сделать. И каждый день без пятнадцати восемь я стоял перед его кабинетом в течение месяца, а мое представление майорова так лежало на столе, я заходил и говорил ему... ну, честно если — врал, что сделал то-то, то-то, установил это, это. А потом, когда мне позвонили знакомые, говорят: «Алексей Александрович, тов. капитан, вам присвоено очередное звание майора, приказ такой-то, от такого-то числа». На следующий день я зашел к Черноситову и сказал, что не буду заниматься этим.

С одной стороны, персонаж приписывает себе черты, располагающие к нему: он социально «свой» (*я россиянин, простой*), его позиция близка большинству адресатов (*мы все люди, все равны, не желаю зла своим детям, мы простые люди, но ничего не можем доказать*, сталкиваясь с произволом властей), он блюдет офицерскую честь (*я дал обещание, но не слово офицера*). Честность персонажа, готовность нести ответственность за возможные правонарушения также способны вызвать симпатию. Судя по цитате, вынесенной в заголовок, Дымовский вполне осознает последствия своих действий как опасные для себя, но не боится идти вперед. С другой стороны, признание того, что им совершались неблагоприятные поступки, странное понятие о чести и «оперской хитрости» (шпионил за коллегами, чуть не посадил невиновного ради очередного звания, дал обещание, которое не собирался выполнять, прикрываясь тем, что «слово офицера» не давал) оставляют плохое впечатление.

Таким образом, при конструировании в журналистском дискурсе персонажа А. Дымовского как Другого переплетались различные практики. Соединение дискурсивных практик, связанных с образом врага и чужого (больной, ненормальный, враг, преступник), накапливает негативные смыслы и конструирует образ отрицательного персонажа. «Не только структура образов врага, но даже само по себе выдвигание на первый план риторики врага уже может служить симптомом важнейших социальных процессов — массовой консолидации мобилизационного типа, блокировки инновации, консервации архаических представлений и ритуалов» [5, 9]. Нагнетание негативных смыслов строилось на противопоставлении своего и чужого. Например, на оппозиции нормы и патологии: неполноценный, лжец, преступник, по отношению к которому необходимы бдительность и принципиальная нетерпимость. Кроме того, столкновение семантики честности и лицемерия усиливает смыслы коварства врага, оправдывает необходимость изоляции Другого и допускает проявление собственной

агрессии как блага. Однако использование дискурсивных практик самопрезентации и конструирования персонажа как человека, жертвующего собой ради других, содержащих положительные смыслы и характеризующих героя публикаций как человека «своего», необходимого обществу, создает более полную картину для аудитории.

Итак, фигура Другого в дискурсе СМИ осмысливается как социально важная для определения культурной идентичности индивида. Массмедиа, используя дискурсивные практики, конструируют в текстах персонажей, закрепляя их как стереотипных «Своих» или «Других». В случае появления неожиданно Другого СМИ чаще всего прибегают к известным ранее дискурсивным практикам и с их помощью стараются вписать героя события в картину мира СМИ и аудитории.

1. *Барт Р. S/Z* / пер. с фр. Г. К. Корсикова и В. П. Мурат ; под ред. Г. К. Корсикова. 3-е изд. М., 2009.
2. Большой академический словарь русского языка. М. ; СПб., 2006. Т. 4.
3. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. *Гришаева Л. И., Цурикова Л. В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж, 2004.
5. *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага* / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М., 2005.
6. Дискурсивные практики СМИ: проблемы информационной безопасности : монография / под общ. ред. Э. В.Чепкиной. Екатеринбург, 2009.
7. Литературная энциклопедия : в 11 т. / редколл.: П. И. Лебедев-Полянский, И. Л. Маца, И. М. Нусинов, В. М. Фриче ; гл. ред. А. В. Луначарский ; учен. секретарь Е. Н. Михайлова. М., 1934. Т. 8.
8. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2009.
9. *Протт В. Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собр. тр. В. Я. Проппа) / коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой ; сост., науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М., 1998.
10. *Сандомирская И.* Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.
11. *Фуко М.* Археология знания = *L'Archeologie du savoir* / [пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А. С. Колесникова]. СПб., 2004.
12. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. Стаф ; под ред. В. Гайдамака. СПб., 1997.
13. *Фуко М.* Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Колледже в 1974–1975 учебном году / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб., 2004.
14. *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций : [пер. с англ.]. 4-е междунар. изд. М. ; СПб., 2002.
15. *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.
16. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004.
17. *Штихве Р.* Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // *Журн. социологии и социальной антропологии.* 1998. Т. 1, № 1. С. 41–53.

Статья поступила в редакцию 25.10.2010 г.